

тельным в ней можно было бы считать задуманный подход. Автор, как можно интерпретировать часть замысла, был нацелен на создание оригинальной и сложносоставной историографической конструкции, элементами которой выступают, с одной стороны, индивидуальный научный опыт историка XVIII в., с другой – пласты историографических оценок такого явления в истории науки как «татищевские известия». И в том, и другом случае историографическая позиция А.П. Толочко актуализирована проблемами интерпретации и методологии изучения источника. Избранный биографический жанр исследования давал привлекательную возможность взглянуть на труд Татищева как на историографический источник. Но автор увлекся «разоблачением» историка. Не погружаясь в область критико-полемических оценок исследования Толочко, замечу всё же, что авторская ориентация на создание образа Татищева как историка-«мистификатора» и «лгуна» выглядит эпатажно, но не убедительно. Татищев и «татищевские известия», при всей противоречивости и проблематичности оценок взглядов и методов историка, относятся к категории историографического феномена, который мог возникнуть в условиях зарождения и первых опытов изучения исторических источников (в данном случае – летописей) в целях создания первой панорамной картины истории России. Труд Татищева, выступая объектом изучения, требует понимания стартовых условий формирования российской исторической науки, особенностей психологии научного творчества человека эпохи Просвещения, особенностей замысла работы и специфики методологических представлений автора в контексте особого – «прагматического» периода отечественной историографии.

Можно полагать, опираясь и на опыт упомянутых исследований, что объектом историографии источниковедения являются научные труды источниковедов, предметом – источниковедческий опыт ученых-гуманитариев.

1. Буганов, В. И. Отечественная историография русского летописания (обзор советской литературы) / В. И. Буганов. – М. : Наука, 1975. – 343 с.
2. Вовина-Лебедева, В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. / В. Г. Вовина-Лебедева. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. – 928 с.
3. Данилевский, И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов / И. Н. Данилевский. – М. : Аспект-Пресс, 2004. – 370 с.
4. Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Професійна етика історика у міждисциплінарному просторі : [міжвуз. зб. наук. праць] / ред. кол.: : О. І. Журба (відп. ред.) [та ін.]. – Дніпропетровськ : ЛІРА, 2014. – 384 с.
5. Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин : материалы XXII междунар. науч. конф. Москва, 28–30 янв. 2010 г. / редкол.: М. Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – М. : РГГУ, 2010. – 434 с.
6. Маловичко, С. И. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание / С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева. – Орехово-Зуево : МГОГИ, 2013. – 252 с.
7. Маловичко, С. И. Источниковедение историографии / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева // Теория и методология исторической науки : терминолог. слов. / отв. ред. А.О. Чубарьян ; РАН. Ин-т всеобщей ист. – М. : Аквилон, 2014. – С. 203–204.
8. Маловичко, С. И. Источниковедение историографии с точки зрения Научно-педагогической школы источниковедения / С.И. Маловичко // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ : материалы всерос. науч. конф. / отв. ред. Л. П. Репина – М. : ИВИ РАН, 2012. – С. 114–117.
9. Медушевская, О. М. Источниковедение: теория, история и метод / О. М. Медушевская. – М. : РГГУ, 1996. – 80 с.
10. Медушевская, О. М. Становление и развитие источниковедения / О. М. Медушевская // Источниковедение : Теория. История. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М. : РГГУ, 1998. – С. 35–121.
11. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – М. : РГГУ, 2008. – 358 с.
12. Румянцева, М. Ф. Теория истории : учеб. пособие / М. Ф. Румянцева. – М. : Аспект-Пресс, 2002. – 319 с.
13. Советское источниковедение Киевской Руси : историографические очерки / отв. ред. В.В. Мавродин. – Л. : Наука, 1979. – 263 с.
14. Толочко, А. П. «История Российской» Василия Татищева: источники и известия / А. П. Толочко. – Киев : Критика ; М. : Новое литературное обозрение, 2005. – 544 с.

Маловичко С.И.

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАРРАТИВ КАК ВИД ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ*

«Горе нам! профессиональные историки, студенты-историки, учителя истории, если мы не видим написанный кровью умирающей цивилизации Европы ужасный результат раздутого национализма, изложенного в национальных историях некоторых самых красноречивых историков девятнадцатого века. Можем ли мы надеяться, что это будет всего лишь мимолетная фаза историописания...», – эти отчаянные слова о роли национальных историографий в разв-

* Работа выполнена в рамках проекта «Историческая память как фактор национальной идентичности: опыт сравнительно-исторического исследования» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

звании Первой мировой войны написал в 1916 г. американский историк Г.М. Стивенс [10, р. 236]. Историографический фактор, влиявший на складывание европейского национализма стали выделять ученые, работавшие в рамках формирующейся в социальных науках с середины XX в. проблемной области *nationalism studies*. При этом, национальные истории XVIII в. исследователи отделили от «националистических историй» XIX в. Например, в работе «Идея национализма» (1944) социолог и историк Х. Кон обратил внимание на разницу в национальной истории М.М. Щербатова и «Истории государства российского» Н.М. Карамзина. Последняя, по его мнению, является примером перехода к «бездушному национализму» [6, с. 546].

Историки актуализировали проблему «национальной истории» лишь в конце XX в. под влиянием, с одной стороны, эпохи «после крушения Берлинской стены», с другой стороны, наметившейся «второй жизни» (казалось бы, уже умиравшей) национальной истории [4, р. 3]. Заданный *nationalism studies* тон изучения национальной истории в контексте национализма (национализмов) или национализма в историописании повлиял на историков, которые плодотворно исследуют практику национального историописания как практику национализма (появилось понятие «*historiographic nationalism*» [4, р. 3]). Действительно, изучение истории национализма актуально особенно в Восточной Европе, но такая исследовательская практика, к сожалению, пока оставляет в стороне сугубо историографическую проблему – анализ не столько национализма, сколько самой национальной истории как (не)научного вида (видов) историописания.

В современной историографии нарратив о национальном прошлом традиционно называют «национальной историей» [9, р. 77–78]. Однако, как оказывается, такое понятие не обладает признаком строгости для проведения историографического анализа. Дело в том, что «национальной историей» называют не только исторические сочинения XIX–XX вв., но и работы европейских историков XVIII в. о национальном прошлом (при этом отмечая, что национальная история, повествующая об особой роли своего государства и народа, появляется только в XIX в. [см., напр.: 5, р. 1]) и даже практики обращения к прошлому XIII–XVI вв. в совершенно иных восточных традициях историописания (Китай, Вьетнам) [11, р. 326, 29–121]. Но это совершенно не согласуется с выводами историков о том, что расцвет национальной истории происходит в европейской модели историописания XIX в. и такая форма конструирования прошлого будет лишь потом принята в Восточной Азии [12, р. 75].

Не все историки согласны с расширительным толкованием понятия «национальная история», а значит, с отсутствием строгости в его употреблении. По крайней мере, совсем недавно А. Лиакос назвал нарративы о национальном прошлом XVIII в. «пред-национальной историей», отличающейся от национальной истории XIX–XX вв. [7, р. 316]. Выражая согласие с Лиакосом (с желанием разграничить виды историописания, а не с приведенным им понятием), позволю себе уточнить, что в классической модели европейской исторической науки XIX века т.н. «национальная история», не представляла из себя однородный монолит – один вид историописания. Разве можно не различать «*Zwölf Bücher Preussischer Geschichte*» («Двенадцать книг прусской истории» в 5 т. (1874)) Л. фон Ранке и его научные работы, в которых изучались вопросы национальной истории, или «Историю России с древнейших времен» в 29 т. (1851–1879) С.М. Соловьева и научные диссертации историка (изданные в виде монографий)? На формирование национальной памяти большое влияние оказывали исторические нарративы, последовательно рассказывавшие о героическом прошлом своих народов и преследовавшие отнюдь не научную цель. Значит, этот вид историописания надо отличать от иных видов.

В исторической науке кроме понятия «национальная история» присутствуют иные, позволяющие более корректно проводить историографический анализ практик историописания. Конечно, он будет бессмысленным занятием, если мы воспользуемся утвердившимся в российской историографической практике концептом «отечественная история», который распространяется на квалификационную специальность профессиональных историков, на образовательную и научную деятельность в области истории России и т.д. Но есть понятие – «национально-государственный нарратив» [1, с. 324–325].

Мне представляется, что проведение историографического анализа национального историописания, в том числе, компаративного анализа европейской практики создания нарративов по национальной истории, возможно в предметном поле актуального исторического знания – *источниковедении историографии*, которое востребует метод источниковедения для изучения истории исторического знания. Источниковедение историографии позволяет проводить видо-

вую классификацию произведений историков. Научно-педагогическая школа источниковедения – сайт Источниковедение.ru [2] предлагает разделять виды историографических источников по типу презентуемого исторического знания на две группы: 1) виды историографических источников научной истории и 2) виды историографических источников социально ориентированного историописания. При изучении соотношения разных типов исторического знания вполне работает базовый принцип источниковедения, применяемый при определении видовой природы исторического источника, – *целесолагание*. Поэтому сосредоточение внимания на типах исторического знания – научном и социально ориентированном – способствует выявлению специфики их сосуществования и помогает выработать критерии, позволяющие в историографическом исследовании (в частности, в поле источниковедения историографии) отличать *научное исследование от социально ориентированного историописания*.

На наш взгляд, большую роль в формировании национальной/государственной и местной/локальной идентичностей играло социально ориентированное историописание и в этой группе видов историографических источников мы выделили *национально-государственные нарративы* [3, с. 544]. Как вид историографических источников национально-государственный нарратив ранее не выделялся, четкое определение данного вида историографических источников пока еще отсутствует.

Национально-государственный нарратив как вид историописания возник в классической европейской модели исторической науки, получив наибольшее распространение в XIX в. Он включает в себя всю известную историю того или иного народа-государства, или значительную часть этой истории, выстраиваемую в линейной перспективе. Хронологически организованный рассказ об истории государства построен как четкая последовательность логически выявляемых периодов, имевших в своей структуре набор княжеских, королевских, царских и т.д. династий, войн, завоеваний, перемен в структуре управления государством и пр. Субъектом истории здесь выступает государство, представленное как единое целое с коллективным героем – народом (нацией).

В XIX в. по национальной истории писалось много работ, относящихся к группе видов историографических источников *научной истории*: диссертации, монографии, статьи др., в которых изучались отдельные проблемы. Национально-государственные нарративы отличались от научных работ описательностью и своим целесолаганием. Появившаяся в XIX в. практика использования прошлого, целенаправленно подавляла или актуализировала нужные события, являясь «специальным интерпретационным способом изучения истории», и различалась целью и методом с научной практикой. Такая способность «проникновения» в прошлое была принята в Германии, Франции, Италии, России, Швейцарии, а затем в Англии [см., напр.: 9, р. 32–33, 44]. Кроме того, стоит учитывать, что в европейских университетах не была распространена практика защиты диссертаций, представленных в виде национально-государственных нарративов.

Современные историки, обратившие внимание на проблему «национальной истории», предлагают ряд критериев, характеризующих такой вид историографических источников как национально-государственный нарратив:

- 1) предназначен для широкой читательской аудитории (в отличие от большинства научных работ) [7, р. 316];
- 2) христианство позиционируется в качестве европейской универсалии [7, р. 321];
- 3) присутствует рефлексия о «европейском каноне» истории в виде объясняющих концептов: «европеизация», «отставание», «наверстывание», «анти-вестернизация» и др. (в первую очередь, в историописании Центральной и Восточной Европы, а также Балкан и Испании) [7, р. 317–334];
- 4) наличие «исключительности» [12, р. 87–89; 7, р. 78];
- 5) слияние национальной истории и истории империи (в историописании Великобритании, России, Пруссии (в пределах немецких земель), Голландии (в Нидерландской республике)) [8, р. 77–78].

Следует добавить, что национально-государственный нарратив способен презентировать историческое знание лишь в виде «классической» линейной истории. Научно-педагогическая школа источниковедения – сайт Источниковедение.ru считает, что в историографическом исследовании применим тот же принцип, что в источниковедении источников иных видов – *принцип целесолагания*. Такая практика дает возможность выявлять другой – иной по

отношению к научной истории – тип исторического знания – социально ориентированное историописание, к нему относятся национально-государственные нарративы, целью которых является конструирование национальной и государственной идентичности, удовлетворение потребностей общества в нужном знании и контроль над социальной памятью.

1. Добровольский, Д. А. Национальная история / Д. А. Добровольский // Теория и методология исторической науки : терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. – М. : Аквилон, 2014. – С. 324–325.
2. Источниковедение.ru: страница науч.-пед. школы [Электронный ресурс] / редкол.: Д. А. Добровольский [и др.]. – Электрон. дан. – М., сор 2010–2015. – Режим доступа: <http://ivid.ucoz.ru/>, свободный.
3. Маловичко, С. И. Источниковедение историографии / С. И. Маловичко // Источниковедение : учеб. пособие / И. Н. Данилевский [и др.]; отв. ред. М. Ф. Румянцев. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 505–559.
4. Berger, S. Apologias for the Nation-State in Western Europe since 1800 / Stefan Berger, Mark Donovan, Kevin Passmore // Writing national histories : Western Europe since 1800 / eds by S. Berger, M. Donovan, K. Passmore. – L. : Routledge, 1999. – P. 3–14.
5. Carvalho, S. Introduction / Susana Carvalho, François Gemenne // Nations and their Histories : Constructions and Representations / eds by S. Carvalho, F. Gemenne. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2009. – 311 p.
6. Kohn, H. Die Idee des Nationalismus : Ursprung und Geschichte bis zur Französischen Revolution / Hans Konh. – Hamburg : S. Fisher, 1962. – 576 s.
7. Liakos, A. The Canon of European History and the Conceptual Framework of National Historiographies / Antonis Liakos // Transnational Challenges to National History Writing // eds by M. Middell, L. Roura. – N.Y. : Palgrave Macmillan, 2013. – P. 315–342.
8. Lorenz, C. Unstuck in time. Or : the sudden presence of the past / Chris Lorenz // Performing the Past : Memory, History, and Identity in Modern Europe / eds by K. Tilmans, F. van Vree, J. Winter. – Amsterdam : Univer. Pr., 2010. – 369 p.
9. Said, E.W. Culture and Imperialism / Edward W. Said. – N.Y. : Vintage Books, 1994. – 408 p.
10. Stephens, H.M. Nationality and History / H. Morse Stephens // The American Historical Review. – 1916. – Vol. 21. – No. 2. – P. 225–236.
11. The Oxford History of Historical Writing : in 5 vols. – N.Y. : Oxford Univ. Pr., 2011–2012. – Vol. 3 : 1400–1800. – 750 p.
12. Woolf, D. Of Nations, Nationalism, and National Identity : Reflections on the Historiographic Organization of the Past / Daniel Woolf // The Many Faces of Clio Cross-cultural Approaches to Historiography / eds by Q.E. Wang, Fr. Fillafer. – N.Y. : Berghahn Books, 2006. – P. 71–103.

Тимохин Д.М.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПОНЯТИЯ «АРМЕНИЯ» ПРИ ОПИСАНИИ ИСТОРИИ ЮЖНОГО КАВКАЗА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОЧНИКОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

История Южного Кавказа в первой половине XIII в. была подробнейшим образом описана в исторических источниках, поскольку этот регион переживает сразу две волны вторжений извне. Удары монгольских и хорезмийских войск оказали решительное влияние на дальнейшее развитие Южного Кавказа, что предопределило интерес со стороны исследователей как к истории этих двух военных кампаний, так и к недолгому периоду хорезмийского доминирования в регионе [1; 2; 10; 13; 16; 24]. Обширная отечественная историография истории Южного Кавказа первой половины XIII в. в большинстве случаев сводится к изучению именно этих указанных выше проблем. В этом докладе хотелось бы обратиться к проблеме интерпретации источников по истории Южного Кавказа в первой половине XIII в. и в том числе хорезмийского государства Джалал ад-Дина Манкбурны в отечественной историографии. Ниже будут указаны основные исторические источники, на которые опирались отечественные исследователи в своих работах, а затем приведем пример проблемы интерпретации источников.

При описании истории Южного Кавказа в первой половине XIII в. отечественные востоковеды чаще всего обращались к трудам Ибн ал-Асира [15; 28], ан-Насави [5], Джувеини [14], Рашид ад-Дина [24], Хамдаллаха Казвини [29] и Мирхонда [30]. Из армяноязычных исторических сочинений отметим труд Киракоса Гандзакети [11–12], «Летопись» епископа Степаноса и «Летопись» Себастиана [7], а также сочинения Григора Акнерци (инока Магакии) [20], Вардана Вардапетя [7] и ряд других. Среди грузинских исторических памятников отечественные исследователи выделяли «Картлис Цховреба» или «Историю Грузии», где особое значение для нашего исследования имеет «Столетняя хроника» или «Хронограф» XIV в. [26; 6]. Из более поздних грузинских исторических сочинений следует указать труд Парсадана Горгиджанидзе «История Грузии» [22], где особенно важна вторая часть, доведенная автором до начала XIV в., главным источником которой стала, по всей видимости, «Картлис Цховреба».

Очертив круг исторических источников, использовавшихся учеными при изучении истории Южного Кавказа первой половины XIII в., перейдем к тем проблемам в интерпретации исторических источников в отечественной историографии. В качестве примера приведем цитаты из нескольких армяноязычных памятников. Епископ Степанос пишет о появлении хорезмшаха и